КТО БЫЛЪ

ПЕРВЫЙ ЛЖЕДИМИТРІЙ?

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ

Н. КОСТОМАРОВА.

Вообще въ грамотахъ того времени не заботились о согласномъ свидѣтельствѣ, а выставляли событія смотря по обстоятельствамъ.

Соловьевъ. Ист. Рос. IX, 23.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ В. БЕЗОБРАЗОВА И К°.
1864

ANL 9130

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 17 сентября 1864 года.

КТО БЫЛЪ ПЕРВЫЙ ЛЖЕДИМИТРІЙ?

У насъ общепринятое мнѣніе о самозванцѣ, царствовавшемъ въ Москвѣ подъ именемъ Димитрія Ивановича, есть то, что онъ былъ черецъ Чудова монастыря Гришка Отрепьевъ. Это мнѣніе считалось и считается у насъ какъ бы доказаннымъ окончательно. Историкъ смутнаго времени Бутурлинъ выразился такъ: «первымъ Лжедимитріемъ въ Россіи былъ Отрепьевъ, и противорѣчить еще сему свойственно было бы только тѣмъ, кои, увлекаясь суетнымъ мудрованіемъ, тщатся опровергать всѣ историческія истины единственно чтобы мыслить иначе, чѣмъ мыслили ихъ предшественники». (Ист. См. Вр. 1, 278). Между тѣмъ, до сихъ поръ остались не разобранными, неизслѣдованными и неповѣренными мѣста изъ источниковъ, на которыхъ основывается это мнѣніе.

Наши лѣтописныя сказанія и бо̀льшая часть иностранныхъ источниковъ о смутной эпохѣ составлены уже впослѣдствіи, а потому оцѣнка взгляда ихъ на этотъ вопросъ зависитъ отъ оцѣнки первоначальныхъ свѣдѣній, болѣе близкихъ какъ ко времени, такъ и къ самому вопросу. Они считали загадочное лицо, о которомъ идетъ рѣчь, тѣмъ или другимъ, на основаніи такого или иного образовавшагося мнѣнія, и потому важнѣе всего добраться, какъ эти мнѣнія сложились и откуда получили начало.

Самозванецъ, какъ мы докажемъ впослѣдствіи, появился въ Польскихъ владѣніяхъ въ 1600—1601 годахъ, а первыя заявленія о томъ, что онъ—Гришка Отрепьевъ, явились въ 1604 году, и

положительно—только къ концу этого года. Первымъ протестомъ изъ Московскаго государства противъ него были двѣ грамоты отъ пограничныхъ Черниговскихъ воеводъ: одна отъ князя Михаила Кашина-Оболенскаго, другая отъ князя Татева. Въ обѣихъ извѣщается, что называющій себя Дмитріемъ былъ бѣглый чернецъ; но онъ не называется Гришкою (*Suppl. ad Hist. Russ. monum.* 410).

Изъ сношенія нашихъ бояръ съ Польскими послами уже черезъ полтора года послѣ воцаренія Шуйскаго видно, что тогда бояре указывали, будто въ 1604 году они посылали для обличенія самозванца дядю Гришки Отрепьева — Смирного-Отрепьева къ панамъ, требуя очной ставки съ племянникомъ; но паны не допустили его до этого. Въ отвѣтъ на это польскіе послы уличали ихъ и объясняли, что Смирной-Отрепьевъ пріѣзжалъ совсѣмъ по другимъ дѣламъ, съ двумя грамотами: одна была къ воеводѣ Виленскому съ жалобою, что не посланы судьи со стороны короля для разбора дѣлъ о грабежахъ и пограничныхъ недоразумѣніяхъ, и другая — къ Литовскому канцлеру о томъ, что, вопреки прежнимъ обычаямъ, берутъ съ московскихъ купцовъ новые поборы. О личности же Димитрія не было ни слова; и даже самъ Смирной не сказался чѣмъ онъ былъ посланъ — посланникомъ или гонцемъ, какъ всегда дѣлалось; а въ одной изъ грамотъ не упомянуто было и его имя. «Какъ же можно, — говорили поляки, — чтобъ Смирной, съ такими грамотами присланный о другихъ совершенно дѣлахъ, могъ домогаться очной ставки съ Димитріемъ, котораго вы называете сыномъ его брата! Если жъ бы онъ и домогался, то нельзя было ему повѣрить, когда въ грамотѣ объ немъ не написано. Сверхъ того вы сами говорите, что посылали Смирного тогда уже, когда воръ пошелъ въ Сѣверскую землю; то какъ же вамъ было искать его въ чужомъ государствѣ? Еслибы вы хотѣли добра вашему царю Борису, то слѣдовало бы, какъ только вѣсть разнеслась о ворѣ, тотчасъ же снестись съ королемъ и съ сенаторами, писать объ этомъ съ точностію и представить очевидное свидѣтельство; а то

вы прислали Смирного съ порученіемъ о другомъ совсѣмъ предметѣ—о дѣлахъ пограничныхъ, стоющихъ какихъ-нибудь нѣсколько рублей, о такомъ же важномъ дѣлѣ не поручали ему ни слова».

Эта протестація поляковъ заслуживаетъ вѣроятія, потому что панамъ не было необходимости въ этомъ случаѣ говорить неправду. Еслибъ Смирной пріѣхалъ съ порученіемъ о самозванцѣ, они бы все равно не могли удовлетворить его, и слѣдовательно—нечего было бы запираться, что не знали такого порученія. Притомъ же они не запирались, что Постникъ Огаревъ, вслѣдъ за Смирновымъ, а можетъ быть—и въ одно время пріѣзжавшій въ Польшу, имѣлъ порученіе о Димитріи. И почему же по таковому важному государственному дѣлу Смирного-Отрепьева посылали московскіе бояре къ польскимъ панамъ, а не московскій государь къ польскому королю?

Постникъ Огаревъ, дворянинъ, посланъ былъ Борисомъ октября 14. Паны въ тѣхъ же самыхъ и послѣдующихъ сношеніяхъ объясняли боярамъ, что этотъ посланникъ пріѣзжалъ съ грамотой отъ Бориса собственно о пограничныхъ недоразумѣніяхъ, но между прочимъ грамота касалась и того, что во владѣніяхъ короля находится бѣглый монахъ Гришка Отрепьевъ, называющійся Димитріемъ Угличкимъ, и посылаетъ грамоты въ украинные города Московскаго государства. Приглашали короля поймать его и наказать. Король отвѣчалъ, что такъ-какъ этотъ человѣкъ находится уже въ предѣлахъ Московскаго государства, то тамъ его удобнѣе поймать. (*Дѣла Арх. Ин. Д. №№ 26, 27. Suppl. ad Hist. Russ. mon. 418*).

Въ то же время въ Разрядныхъ книгахъ записано, что царю «учинилась вѣсть (слѣдовательно—въ первый разъ царь узналъ), что нашелся въ Литвѣ воръ, который называется Димитріемъ Угличкимъ». И тутъ же слѣдуетъ заключеніе, что этотъ воръ долженъ быть Гришка Отрепьевъ, сбѣжавшій въ 1603 году (111) въ Сѣверскую землю съ чернецомъ Мисаиломъ Повадинымъ. Онъ пришелъ въ Печерскій монастырь и тамъ разболѣлся, призвалъ игумена исповѣдываться и сознался ему, что

онъ царевичъ Димитрій и ходитъ непостриженъ въ искусѣ, избѣгая царя Бориса. Игуменъ сталъ его чтить, объявилъ о немъ и сказалъ королю.

Бояре, въ сношеніяхъ своихъ съ польскими послами, уже послѣ убіенія Лжедимитрія, ссылались еще на то, что патріархъ посылалъ къ воеводѣ кіевскому, князю Острожскому, сына боярскаго Аѳанасія Пальчикова извѣстить, что называвшій себя Димитріемъ и проживавшій въ его воеводствѣ—бѣглый монахъ-чернокнижникъ, и просилъ выдать его. Острожскій, признавая бѣглеца истиннымъ царевичемъ, не только не выдалъ, но задержалъ Пальчикова, а сынъ Острожскаго Янушъ томилъ его въ оковахъ долгое время, также признавая бродягу царевичемъ. На это извѣстіе поляки отвѣчали, что не знаютъ ничего о такомъ посольствѣ. Замѣтить слѣдуетъ, что и Константинъ Острожскій и сынъ его Янушъ не мирволили самозванцу. Въ дневникѣ Борша (*Рукоп. Библ. Генер. Штаба*), бывшаго въ первомъ полчищѣ, съ которымъ претендентъ двинулся изъ Украины въ московскія владѣнія, говорится, что они боялись даже, чтобъ Острожскій не ударилъ на нихъ вооруженною силою, а на переправѣ черезъ Днѣпръ Острожскій велѣлъ угнать прочь всѣ суда и паромы. Отъ князя Януша сохранилось того времени письмо (*въ Дѣл. Литовск. Метр.*), гдѣ онъ вовсе не одобряетъ намѣреній помогать Димитрію и не считаетъ его истиннымъ царевичемъ. Потому нельзя повѣрить, чтобы Острожскіе задержали гонца патріархова, признавая самозванца настоящимъ царевичемъ.

Существуетъ въ спискѣ напечатанный на 164 страницѣ II-го тома Румянцовскихъ грамотъ приговоръ о высылкѣ патріаршихъ, митрополичьихъ, архіерейскихъ и монастырскихъ слугъ на службу, надписанный числомъ 12 іюня 1604 года. Тамъ Гришка Отрепьевъ упомянутъ по имени, но число и мѣсяцъ, означенные на приговорѣ, какъ и время его составленія, невѣрны, ибо тамъ говорится о вступленіи самозванца въ Московское государство тогда, когда онъ еще не вступалъ.

Этотъ приговоръ могъ состояться уже послѣ половины августа 1604 года.

Если исключить сомнительныя посольства Смирного и Пальчикова, то до 1605 года только въ посольствѣ Постника Огарева и въ приговорѣ о высылкѣ на службу (*) видны шаги къ тому, чтобъ назвать самозванца опредѣленнымъ именемъ Гришки Отрепьева. Народу не говорили ничего о таинственномъ лицѣ, старались даже не говорить съ нимъ объ этомъ, и ему не дозволяли о немъ говорить. Между тѣмъ народъ все болѣе и болѣе увлекался новизною.

Въ то время когда успѣхи самозванца въ Сѣверской землѣ дѣлали его очень опаснымъ для Бориса, когда народныя симпатіи склонялись повсюду на сторону Димитрія, необходимымъ сочли совершить повсемѣстный обрядъ проклятія надъ этимъ врагомъ Бориса. Но для этого нужно было объявить народу положительно, кто таковъ именно человѣкъ, взявшій на себя роль Димитрія. И вотъ патріархъ въ январѣ 1605 года разсылаетъ грамоту (А. Э. II, 78), гдѣ не ограничивается однимъ глухимъ намекомъ на то, что называвшій себя Димитріемъ есть Гришка, но разсказываетъ подробно его похожденія. «Этотъ человѣкъ звался въ мірѣ Юшка Богдановъ сынъ Отрепьевъ, проживалъ у Романовыхъ во дворѣ, сдѣлалъ какое-то преступленіе, достойное смертной казни и, избѣгая наказанія, постригся въ черницы, ходилъ по многимъ монастырямъ, былъ въ Чудовомъ монастырѣ дьякономъ, бывалъ у патріарха Іова во дворѣ для книжнаго письма, потомъ убѣжалъ изъ монастыря съ двумя товарищами, монахами Варлаамомъ Яцкимъ и Михаиломъ Повадинымъ».

До сихъ поръ патріархъ говоритъ то, что ему могло быть извѣстно лично. Далѣе идутъ свѣдѣнія, которыя онъ могъ имѣть только получивши отъ другихъ, а именно:

*) Приговоръ напечатанъ въ Собр. Госуд. Гр. II, 164, іюня 12, вѣроятно въ ошибочномъ спискѣ. Тамъ опредѣляется клясть Отрепьева, тогда какъ грамота о проклятіи была выдана уже въ январѣ 1605 года.

1) Чернеца Пимена, постриженника Смоленскаго монастыря.

2) Чернеца Венедикта, Троицкаго монастыря.

3) Стефана иконника, ярославца, торговавшаго въ Кіевѣ иконами.

Пименъ говоритъ, что онъ встрѣтился съ нимъ въ Новгородѣ-Сѣверскомъ, — Григорій былъ съ Варлаамомъ и Мисаиломъ Повадинымъ; а Пименъ проводилъ ихъ за рубежъ въ Литовскую землю, а самъ воротился назадъ въ Московское государство.

Венедиктъ былъ въ Кіевѣ въ Печерскомъ монастырѣ и тамъ видѣлъ Гришку въ Печерскомъ и Никольскомъ и у князя Острожскаго, воеводы кіевскаго: Гришка служилъ въ дьяконскомъ чинѣ. Потомъ Гришка уклонился къ лоторамъ, впалъ въ ересь и чернокнижіе, сталъ ѣсть мясо, связался съ запорожцами и ушелъ изъ монастыря на Запорожье. Венедиктъ жаловался на него печерскому игумену, и тотъ послалъ къ запорожцамъ взять его; тогда Гришка ушелъ ко князю Адаму Вишневецкому.

Стефанъ иконникъ видѣлъ Гришку въ Кіевѣ: онъ приходилъ къ нему въ лавку съ запорожцами, тогда онъ дьяконилъ въ Печерскомъ и въ Никольскомъ монастыряхъ и у князя Острожскаго.

Венедиктъ и Стефанъ иконникъ свидѣтельствовали, что Гришка, убѣжавши къ Адаму Вишневецкому, тамъ, по умышленію князей Вишневецкихъ и по королевскому повелѣнію, началъ называться княземъ Димитріемъ Угличкимъ.

Изъ этихъ извѣстій невозможно вывести несомнѣнно, чтобъ самозванецъ, вошедшій тогда въ Сѣверскую землю, былъ именно Гришка. Патріарху извѣстно было только то, что былъ въ Чудовомъ монастырѣ монахъ Гришка Отрепьевъ; онъ бѣжалъ въ Литву, обыкновенный пріютъ множества бѣглецовъ того времени. Самъ патріархъ болѣе ничего сказать не въ силахъ. Затѣмъ три его свидѣтеля что говорятъ? Первый вовсе не обвиняетъ Гришки въ самозванствѣ. Остаются другіе два. Но если дать имъ довѣріе какъ очевидцамъ, то они намъ сообщаютъ

единственно то, что Гришка жилъ въ Кіевѣ въ Печерскомъ монастырѣ; а Венедиктъ прибавляетъ, что и велъ себя дурно. Это они говорятъ какъ очевидцы. Что же до того, что Гришка ушелъ къ Вишневецкому и тамъ назвался Димитріемъ, то ни Венедиктъ, ни Стефанъ Иконникъ не называютъ себя очевидцами и свидѣтелями этого происшествія. Они не могутъ доказать, что именно Гришка, а не другой кто либо назвалъ себя Димитріемъ у князя Адама Вишневецкаго, какъ равно не показываютъ—откуда они знаютъ, что Гришка ушелъ именно къ Вишневецкому. Венедиктъ и Стефанъ не послѣдовали за Гришкой, оставались въ Кіевѣ; Гришка также не сказалъ имъ, что пойдетъ къ Вишневецкому. По собственному признанію Венедикта, за нимъ изъ монастыря посылали, а онъ спрятался и ушелъ. Если онъ прятался, то безъ сомнѣнія не открывалъ ему, куда онъ убѣжитъ. Слѣдовательно, при самой полной добросовѣстности этихъ показаній, источникъ сообщеннаго здѣсь можетъ быть только слухъ и собственное соображеніе. Венедиктъ и Стефанъ Иконникъ могли услышать, что появился называющій себя Димитріемъ Угличкимъ, и, вспомнивъ бѣжавшаго бродягу Гришку, сообразили: ужъ не Гришка ли этотъ новоявленный Димитрій? Такъ могло быть только при полной добросовѣстности. Но сама грамота патріархова не признаетъ за ними этого качества, напротивъ, называетъ ихъ ворами: *которые товарищи его воры въ Литву за рубежъ его проводили и которые про него подлинно вѣдаютъ, и въ Литвѣ съ нимъ знались*. Если они воры, то есть преступники, то, слѣдовательно, могли ждать за *воровство* свое наказанія. А въ такомъ случаѣ имъ было естественно дѣлать то, что можетъ избавить ихъ отъ наказанія или облегчить его тяжесть. Такимъ дѣломъ и было—сообщить правительству вѣсти, которыя были для него необходимы; а въ то время имѣть болѣе или менѣе вѣроятныя свѣдѣнія, подтверждающія, что самозванецъ—Гришка Отрепьевъ, было дѣломъ первой важности. Но о добросовѣстности трехъ бродягъ мало можно толковать, когда тогдашнія извѣстія по этому дѣлу, исходившія прямо отъ патріарха и

другихъ важныхъ лицъ разнорѣчатъ между собою и передаваемое ими не согласуется съ строгой истиной. Напримѣръ, патріархъ писалъ окружную грамоту о проклятіи Гришки, гдѣ выставилъ народу то, что ему было извѣстно объ этомъ лицѣ, и скоро послѣ того писалъ грамоту въ Вильно къ католическому духовенству и въ ней допустилъ противорѣчіе тому, что писалъ своему народу. Такъ, въ окружной всенародной грамотѣ, какъ выше сказано, было объявлено, что Гришка *прежде* своего постриженія *заворовался*, сдѣлалъ что-то достойное смертной казни и, избѣгая ее, постригся въ монахи. А въ грамотѣ къ католическому духовенству, напротивъ, онъ пишетъ, что Гришка, уже постригшись, надѣлалъ преступленій, и избѣгая смертной казни, ушелъ въ Литву. Это измѣненіе противъ прежняго извѣстія, конечно, сдѣлано съ тою цѣлію, чтобы болѣе уронить самозванца и оправдывать требованіе выдачи его. Въ Соборной грамотѣ ко князю Острожскому (*Доп.* I, 255) говорится, что Гришка, живучи въ Чудовѣ монастырѣ, былъ уличенъ въ чернокнижествѣ, призываньи нечистыхъ духовъ и отреченіи отъ Бога, и за то осужденъ не на смерть, а на тюремное заточеніе въ Каменномъ монастырѣ. Сверхъ того въ грамотѣ, отправленной въ Польшу, сказано, что самъ Іовъ патріархъ посвящалъ его въ діаконы; а въ окружной грамотѣ этого не говорится, напротивъ— смыслъ выходитъ такой, что Гришка прежде поступленія во дворъ къ патріарху былъ дьякономъ и былъ взятъ во дворъ уже носивши дьяконскій чинъ: *и былъ по многимъ монастыремъ и въ Чудовѣ во дьяконѣхъ, да у меня Іева патріарха во дворѣ для книжнаго письма побылъ во дьяконѣхъ же.* На это могутъ возразить: патріархъ могъ ставить Гришку прежде, чѣмъ взялъ во дворъ. Посвященный въ діаконы Гришка ходилъ по разнымъ монастырямъ а потомъ уже взятъ во дворъ къ патріарху. Но во первыхъ, если бъ патріархъ его ставилъ, то конечно въ Чудовомъ монастырѣ, и тогда въ грамотѣ было бы поставлено имя Чудова монастыря прежде, а не послѣ безъименныхъ многихъ монастырей, здѣсь же изображается,

что Гришка былъ въ званіи дьяконскомъ во многихъ монастыряхъ, а потомъ пришелъ въ Чудовъ. Если же предположить, что Гришка былъ во многихъ монастыряхъ не дьякономъ, а пришедши въ Чудовъ получилъ дьяконство, то этому противорѣчитъ складъ рѣчи: тогда патріархъ или употребилъ бы два раза слово *былъ* (*и въ Чудовѣ былъ въ дьяконахъ*), или, по крайней мѣрѣ, сказалъ бы: *а въ Чудовѣ*, тогда какъ одинъ глаголъ для *многихъ* монастырей и для Чудова, равнымъ образомъ союзъ *и* показываютъ, что пребываніе Гришки принимается одинаковымъ, какъ въ многихъ монастыряхъ, такъ и въ Чудовомъ. Во вторыхъ, для чего было патріарху не сказать народу о томъ, что онъ самъ поставлялъ Гришку, когда онъ сообщаетъ объ этомъ польскимъ духовнымъ? И почему не оповѣстить народу вначалѣ о тѣхъ преступленіяхъ, о которыхъ писано было впослѣдствіи Острожскому? Не скорѣе ли видно тутъ, что писавшимъ грамоты въ Польшу и къ Острожскому приходили въ голову новыя удачныя выдумки, которыя случайно не приходили тогда, когда писалось окружное посланіе.

Извѣстно, что кто вымышляетъ, тому рѣдко удается повторить свой вымыселъ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онъ изложилъ его первый разъ.

Когда послѣ низложенія самозванца, въ царствованіе Шуйскаго, патріарха Іова привезли въ Москву изъ Старицы для разрѣшенія народа отъ наложенной имъ на него клятвы, то патріархъ объявилъ, будто Гришка разстригся прежде чѣмъ бѣжалъ въ Литовское государство (А. Э. 11, 153): *Научи его* (діаволъ) *преже отступити отъ Творца нашего Бога и попрати иноческій святольпный образъ и дьяконьскій чинъ, потомъ же вложи въ него злохитрый ядъ и бѣсовскій плевелъ всѣявъ и злобу лукавства своего вложи въ сердце его: и по наученію дьявольскому, той прежереченный врагъ Божій розстрига Гришка Отрепьевъ, избѣжавъ отъ Російскаго государства въ Литовскую землю,* и проч. Потомъ въ другомъ мѣстѣ той же грамоты: *про розстригу извѣщали подлинно, какъ онъ*

поверг иноческій и дьяконскій чинъ и какъ избѣжалъ изъ Россійскаго государства въ Литовскую землю. Здѣсь патріархъ какъ-будто противорѣчитъ прежней своей грамотѣ, на которую тутъ же ссылается. Положимъ, что выраженіе *попрати иноческій образъ* можно принимать за риторическій способъ, что здѣсь смыслъ: Гришка сталъ жить недостойно иноческаго сана; но слово *поверг* прямѣе выражаетъ тотъ смыслъ, что Гришка снялъ съ себя иноческій санъ, прежде бѣгства въ польскія владѣнія, ибо выраженіе повергнуть, свергнуть санъ употреблялось у насъ не въ общемъ смыслѣ поступковъ, достойныхъ лишенія сана, а именно въ смыслѣ дѣйствительнаго снятія съ себя сана. Между тѣмъ, по извѣстіямъ, сообщеннымъ прежде отъ имени того же патріарха Іова, не видно было, чтобъ Гришка снялъ съ себя монашескій санъ до побѣга въ Кіевъ, напротивъ въ Кіевѣ еще ходилъ въ монашескомъ платьѣ и служилъ въ дьяконскомъ санѣ. Собственно это разнорѣчіе само по себѣ не важно, но оно въ числѣ другихъ указываетъ, что въ оффиціальныхъ актахъ, относящихся къ этому времени, не держались строгой одинаковости изложенія событій, а изображали ихъ такъ, какъ въ данную минуту казалось приличнѣе и выгоднѣе изображать.

Гораздо важнѣе слѣдующее разнорѣчіе. Написанная отъ имени патріарха въ 1605 году грамота, гдѣ излагались въ первый разъ народу свидѣтельства о томъ, что явившійся подъ именемъ Димитрія есть Гришка Отрепьевъ, была разослана по епархіямъ; архіереи должны были сообщать народу тѣ вѣсти, какія сообщилъ имъ Іовъ, и безъ всякаго сомнѣнія русскіе архіереи не имѣли тогда иного источника, кромѣ грамоты патріаршей, ибо переписывали ее слово въ слово. Но при этомъ они говорили не совсѣмъ то, что говорилъ патріархъ. Напримѣръ, въ грамотѣ Исидора, митрополита Новгородскаго (А. Э. II, 81), говорится о Стефанѣ Иконникѣ, что онъ видѣлъ Гришку у Адама Вишневецкаго и слышалъ, какъ онъ назывался царевичемъ Димитріемъ; а въ окружной грамотѣ патріарха не говорится, чтобы Стефанъ его видѣлъ у Адама Вишневецкаго, а все знакомство его съ

Гришкою ограничивалось тѣмъ, что послѣдній съ запорожскими черкасами приходилъ къ его лавкѣ. Откуда же это разнорѣчіе? Конечно, въ грамотѣ Новгородскаго митрополита прибавка, сдѣланная для того, чтобъ показаніе Стефана Иконника имѣло какую-нибудь цѣнность, ибо въ патріаршей грамотѣ оно можетъ возбуждать смѣхъ своею несостоятельностію. Сверхъ того въ окружной грамотѣ патріарха, въ показаніи Венедикта, говорится, что Гришка приставъ къ Лютарамъ, а у Исидора это обстоятельство упускается, за то говорится, будто Венедиктъ видѣлъ Гришку въ Никольскомъ монастырѣ разстриженнымъ, чего нѣтъ въ патріаршей грамотѣ.

Извѣстія эти слагались и обнародовались въ то время, когда для спасенія Борисова правленія необходимо было, чтобъ тотъ, кто называлъ себя Димитріемъ, представленъ былъ народу не безъименнымъ воромъ, но съ какимъ-нибудь положительнымъ именемъ; ибо это лицо оставлять неизвѣстнымъ было опасно. Если онъ не Димитрій, то все таки—кто же онъ? спрашивалъ бы народъ. А коль скоро онъ—неизвѣстно кто, то почему же онъ не Димитрій? И почему правительство можетъ знать, что онъ не Димитрій, когда сознается, что не знаетъ: кто онъ? Для вліянія на народъ, рѣшились предать проклятію вора. Но кого проклинать? Нужно было имя. Что оно было крайне нужно, показали послѣдствія. Когда послѣ смерти Бориса написали крестоцѣловальную запись, гдѣ не упомянули ни имени Гришки, ни другаго опредѣленнаго имени, а выразились о самозванцѣ какъ о неизвѣстномъ ворѣ, то перешедшіе къ самозванцу считали эту неопредѣлительность въ присяжномъ листѣ для себя достаточнымъ извиненіемъ. Видно только, что когда нужно было доискаться, кто бы могъ быть назвавшійся Димитріемъ, то патріархъ вспомнилъ, что въ Чудовомъ монастырѣ былъ монахъ Гришка Отрепьевъ, бывавшій у него во дворѣ для книжнаго письма и бѣжавшій изъ Москвы. Этимъ собственно и ограничивались положительныя свѣдѣнія о Гришкѣ въ Москвѣ. Что касается до его преступленій, то относительно этого патріархъ запутался въ своихъ грамотахъ, и въ одной изъ

нихъ обвиняетъ Гришку въ преступленіи, сдѣланномъ до постриженія въ монахи, не говоря о его преступленіяхъ въ монашествѣ, а въ другой, не говоря, чтобъ причиною поступленія въ монашество было желаніе избѣжать кары за преступленіе, говоритъ, что Гришка, уже постригшись въ монахи, сдѣлалъ что-то достойное смертной казни. Затѣмъ подтвержденіемъ догадкамъ, явившимся въ Москвѣ, послужили неясныя показанія трехъ бродягъ, которымъ было естественно сочинить что-нибудь о Гришкѣ и доставить правительству услугу сообщеніемъ нужныхъ ему объясненій. Но если они говорили и правду, то ничего не сказали важнаго, ибо не объяснили, почему они считаютъ, что назвавшій себя Димитріемъ былъ Гришка, а не иной кто-нибудь.

Какъ сторонникъ Бориса, патріархъ могъ и долженъ былъ изъ видовъ политики прибѣгать ко всевозможнѣйшимъ выдумкамъ, чтобъ спасать престолъ своего покровителя. Патріархъ уже прежде доказывалъ, что готовъ былъ жертвовать истиною политическимъ видамъ Бориса. Проводя на царство Бориса, патріархъ употреблялъ всевозможныя уловки, очень недобросовѣстныя. Теперь для того, чтобы удержать Бориса на царствѣ въ критическое время, патріарху Іову было извинительно назвать неизвѣстное лицо извѣстнымъ именемъ бѣжавшаго бродяги; тѣмъ-болѣе что онъ самъ, если не былъ увѣренъ, что самозванецъ есть Гришка Отрепьевъ, то, по своимъ соображеніямъ и догадкамъ, считалъ это возможнымъ.

Замѣчательно, что въ то время проглядываютъ черты, которыя давали право думать, что правительство не увѣрено было въ томъ, что́ утверждало всенародно,—будто самозванецъ былъ Гришка. Напримѣръ, въ посольской грамотѣ, посланной къ королю Сигизмунду съ Постникомъ Огаревымъ, было сказано, что еслибъ это лицо и былъ настоящій Димитрій, то и тогда бы онъ не имѣлъ права на престолъ Московскаго государства, какъ незаконнорожденный сынъ. Поляки объясняли это желаніемъ обезпечить за собою право, еслибъ оказалось, что претендентъ былъ не только не Гришка, но даже настоящій